

Аветисян Гаяне

Как в старые времена

Старость подкралась незаметно, и он принял ее забывчивость и печальную глухоту со смирением верующего человека. Просыпаясь в своем обветшалом доме, он уже не радовался наступившему дню, а только удивлялся тоненькой полосочке света, проникающей сквозь плотные кружевные шторы. Ему совершенно был непонятен новый день даже весной, когда вокруг дома зеленый цвет травы и белый цвет распустившихся почек наполняли воздух ароматной нежностью.

Внук подарил забавный телефон с резкой назойливой мелодией, который можно было таскать с собой повсюду, и общение с родными приобрело для него несколько необычную форму. Сын звонил из Испании:

– Отец, я в Коста Даурада. Здесь бирюзовое море, золотистый пляж. Чудесные места, совсем другая жизнь. Понимаешь, Европа!

Он смущался. Действительно, откуда же ему было знать о Коста Даурада?

Младшая дочь с семьей жила в Бейруте и говорила примерно то же:

– ...Здесь совсем другая жизнь. Понимаешь, Восток!

Двоюродная сестра звонила из Канады, друг из Глендейля. Все пели одну и ту же песню – «как вас жаль, вы даже не представляете, как живут нормальные люди». Он снова смущался. Ведь он так любил Армению.

Старшая дочь по какому-то недоразумению никуда не уехала. По средам, со строгим выражением лица приходящей прислуги, приезжала с провизией, готовила еду, убирала дом. Она была чистюлей и очень этим гордилась.

– Лампочки опять перегорели. Везде окурки. Мог бы быть и поаккуратнее. Была бы жива мать!

Она ни о чем не расспрашивала, только раздраженно отвечала на вопросы: «Как живут? Да как можно жить в нищей, блокадной стране? А не дай бог опять война, так куда же бежать? Разве упрямые карабахцы отдадут хотя бы клочок своей земли? И сколько же можно так жить?».

Он пытался успокоить дочь, переводя разговор на внуков: «Как дела у Гора? Осваивает восточные единоборства? У Ани занятия английского? По-прежнему мечтает уехать в Америку? Что муж? Звонит из России?». Дочь в ответ кивала головой: «Да, звонит; у детей все нормально». И все же она была всем недовольна: «Все плохо, отец. Да в этой стране по-другому быть и не может», – говорило ее молчание.

Он уходил в сад, садился на маленькую скамейку под тень инжирового дерева и смотрел в сторону Арарата. Грустью прошедших дней оттуда возвращалось что-то очень далекое...

Послевоенный сорок шестой год выдался урожайным. Мать и соседка Сона только и занимались соленьями, вареньями.

– Сона, кто эти люди?

– Репатрианты.

– Почему они плачут?

– От счастья. Им дали землю, армянскую землю.

– Из каких стран приехали?

– Из далеких.

– Зачем?

– Говорят, на чужбине плохо.

Слово «чужбина» звучало с оттенком горечи – проживает чужую долю, не свою. Клочок родной земли, поросший сорняком, казался счастливым талисманом и обрабатывался с особой нежностью. Отсюда был виден Арарат – за колючей проволокой, по другую сторону реки Аракс. Армению называли завораживающей, околдовывающей те, кто видел ее древние монастыри и храмы, дивные абрикосовые сады, виноград, причудливо растущий на скалах. Что же с ней произошло? Храмы ли порушены, сады ли высохли? Он ничего не понимал, и в своем одиночестве, в этой растерянности, тщетно искал чьей-нибудь поддержки. Калитка во двор не запиралась, но старый дом обходили даже нищие. Разве что память врывается к нему порой стремительно неожиданно...

– Сынок, соседи видят тебя возле дома приезжих из Румынии, поговаривают об их дочери. Приглянулась она тебе что ли? Как зовут?

– Татевик.

– Имя красивое, только рано тебе еще жениться. Не ходи туда больше. Родным может не понравиться то, что ты стоишь возле их дома, а сватов засылать для тебя еще не время.

Мать притворялась. Она знала о семье приезжих из Румынии много больше, чем казалось...

– Сона, что за шум возле дома соседей? Умер кто?

– Хозяина забрали. Считай, что умер. Оттуда не возвращаются.

– Тише ты. Несчастные! Помнишь, как радовались, когда только приехали?

– Как же не помнить? Землю целовали. Ведь им пообещали рай.

– Выходит, обманули?

– Да кто ж теперь знает?

– Как же теперь им одним?

– Госпожа из Румынии не очень-то и общительна. Трудно будет ей с таким характером. Говорят, брат ее умнее оказался – эмигрировал в Америку. Даст бог, поможет.

– Дядя Татевик эмигрировал в Америку?

И он выбрал для первого свидания американское кино, трогательную историю любви бродяжки Чарли и слепой цветочницы. Но Татевик только смеялась над бедняжкой Чарли. Вот умора!

Дни закружились веселой, разноцветной каруселью, и не было страха упасть. Немного кружилась голова, но он продолжал упрямо не замечать наставлений матери.

– Ты неразумен, так себя не ведут. У тебя ничего не получится. Сона говорит, что они уедут, они обязательно уедут из Армении навсегда. Ты ведь знаешь, у них дядя в Америке. Он поможет им выбраться отсюда.

– Откуда? Они что, сидят в зловонной яме?

– Не дерзи матери! Да пойми ты, наконец, не простят они того, что случилось с их отцом.

После ссоры, мать хмурилась. Парон из Америки казался огненной лавиной, накрывающей безупречное чувство к Татевик. Как же он понимал бродяжку Чарли! И все же мать оказалась права. Разноцветная карусель неожиданно остановилась. Веселый аттракцион закончился в жаркий августовский день.

– Я уезжаю в Румынию. Не знаю, приеду ли когда-нибудь.

Солнце колосось острыми иголочками. Очень хотелось пить. И все же он различил в ее словах нотки превосходства. Она счастлива и горда тем, что уезжает? Уезжает в хорошую страну? Он принял это как предательство. Однако мысль, что это предательство только к нему, скоро сменилась другой – это предательство было и к древним монастырям, и к винограду, растущему на скалах. Так он был обманут в своих лучших ожиданиях.

Когда наступила осень, он опять увлекся, но на этот раз историей Армении. Днями просиживал в библиотеке или дома с книжкой в руках. Мать перестала хмуриться.

– Что читаешь, сынок?

– Книги.

– Вижу, что книги. Хоренаци? Бюзанд?

– Да, мама. Еще Геродот, Ксенофонт, Страбон... Древние мыслители в своих трудах рассказывают об Армении.

– Да, сынок, конечно.

Мать поддакивала, была рада тому, что сын, наконец, образумился. Лучше книжки читать, чем попусту терять время на глупости.

Новое увлечение переросло в тревожное чувство. Он уже не мог не думать о прошлом Армении. Ему снились разгромленные, бегущие парфяне и римляне. Воины великих империй сдавались под натиском прославленного Тиграна II, уступая всю Месопотамию, а заодно и почетный титул «царь царей». Армянские земли простирались от Палестины до Каспия.

– Сынок, не заболел ли?

Мать, обеспокоенная, уговорила его съездить к родственникам на Севан. Отдохнешь, позагораешь. Она в очередной раз спасала сына, не зная, что в окрестностях озера давно уже велись археологические раскопки и найдены тысячи наскальных изображений. Мастера-камнеписцы древности оставляли свои автографы – тонкие орнаменты рисунков: будь то охота на птиц и зверей или веселое застолье с музыкантами.

– Сынок, что это ты привез?

– Черепки. Я подружился с археологами.

– Лучше бы рыбу привез, сынок, лучше бы рыбу.

Он объездил всю Армению, собирал старину, когда же встречал туристов, то непременно вызывался в проводники. Вы этого не знали и не слышали? Я покажу, я расскажу. Все остальное, что происходило вне этой страсти, его не занимало – какие-то детали, штрихи, не связанные между собой. Он старался приобщить детей к тому, чем был увлечен сам, но встречал непонимание и смех.

– Ма, отец притащил чей-то череп. Наверное, какого-нибудь пастуха.

– Не трогайте, дети. Мало ли какая зараза на нем.

Он не обижался, только почему-то смущался, краснел, торопливо разбирая рюкзак. Ведь он так любил Армению!

Мать постарела, плохо соображала, но по-прежнему поддакивала и жалела его.

Как и прежде вместе с соседкой Соной готовили соленья, варенья.

– Сона, кто наши новые соседи?

– Из Сирии.

– А те прежние, что в Канаду уехали, вернутся ли?

– Конечно, нет. Если и приедут, то только посмотреть на Арарат.

– Что за мода такая смотреть на Арарат. Помнишь Мукуча, что дом этот строил?

– Как же, конечно помню. Чудом спасся от турецкой резни. Помню, как абрикосовые саженцы рассаживал, говорил, что деревья переживут его и останутся внукам.

– Его дети, кажется, во Францию перебрались? И что людям на одном месте не сидится?

– Да кто теперь поймет! Мир будто перевернулся...

Мир действительно перевернулся, и старый дом опустел. Здесь больше не готовят соленья, варенья. Родные голоса переплелись с луговыми цветами, а те, что слышны, звучат на иных диалектах. Только странно вдруг телефон зазвонит, распугает птиц на абрикосовых деревьях. За поворотом возле соседнего дома тишина. Дом опять продан, и в ожидании новых хозяев, воробушек резво чирикает на металлической ограде. Как в старые времена.